

ВОСПОМИНАНИЯ
ВETERАНА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ

И В А Н Ч Е Н К О
РАИСЫ СТЕПАНОВНЫ

К 60-летию Победы Великой Отечественной войны.

Тема, с которой я выступаю в школах, техникумах и других организациях г. Йошкар-Ола.

Когда началась Великая Отечественная война я жила и работала в г. Москве на Машиностроительном заводе инструментальщицей Краснопресненского района и была избрана комсоргом Механического цеха.

Когда началась ВОВ я первая на заводе, и в первый день подала заявление о добровольном уходе в Армию и отнесла его в партком завода, где мне предложили выступить на митинге в 5 часов вечера. Я выступила и призвала всех последовать моему примеру, а через два дня меня отправили в истребительный батальон Краснопресненского района. Так я стала бойцом истребительного батальона. Тогда в Москве создавались истребительные батальоны в каждом районе. Они были преданы органам милиции. В течение месяца мы изучали все виды оружия. И вот настал час испытания. Ровно через месяц, 22 июля, вечером налетели фашистские самолеты. Шел первый ночной бой, страшный. Летели фугасные, зажигательные бомбы. Москва горела, кричали женщины, дети. Наш батальон выезжал на военные объекты спасти государственное имущество, технику (мотоциклы). Мы вытаскивали их из огня. Там работала 7-ая рота. Бросались в огонь, чтобы спасти как можно больше.

Москву бомбили с июля по декабрь включительно. И так каждый день страшные воздушные бои и снова выезжали на военные объекты. Ночью в Москве светло от пожаров, а когда наступало утро, народ спешил на работу. На оборонительных работах вокруг Москвы работало 450 тысяч человек, 70% из них женщины. Москва была на осадном положении. На улицах стояли противотанковые «Ежи». Москвичи, у которых были сбережения, сдавали в фонд обороны. Подростки заменяли на заводах отцов и братьев,

ушедших на фронт. Мы продолжали выезжать на военные объекты и спасать государственное имущество.

Вдруг меня вызывает командир батальона т. Мамонов и говорит, что Рая мы качать тебя будем, тебя правительство наградило орденом «Знак Почета» и когда появилась статья в Комсомольской правде о награждении, тут же появились иностранные корреспонденты, которые пожелали встретиться с нами. Так как еще был награжден один студент из МГУ, но он был ранен и находился в госпитале. Поэтому встречаться мне пришлось одной. Меня возили в МВД, беседовали со мной. Но никто не знал, что их интересует. И вот настал день встречи, меня сопровождала Нина Васильевна Попова, она возглавляла комитет советских женщин. На встречи журналисты задали мне четыре вопроса:

1. Что я буду делать, если на моих глазах спустится парашютист? Я ответила: - оторву ему голову. Им это понравилось.

2. А сколько такой молодежи? Я ответила: - вся такая молодежь, которая идет с большим желанием защищать Родину.

3. Как Вы рассматриваете, если Вам придется погибнуть? Ответила: - если что-то сделано полезное и погибну, война есть война, а если ничего, то и на том свете будет стыдно.

4. На этот вопрос я не должна говорить правду. Где я работаю, ответила: - работаю в одной из мастерских, и после работы состою в дружинке покушению зажигательных бомб. А где эта мастерская? И здесь выручил меня представитель советского информбюро т. Лозовский, который еле их ^{не шло} убедил, что эта мастерская стратегического значения, что ее нет.

Через неделю меня пригласила Нина Васильевна Попова и показала газеты, где было напечатано все, что я говорила. Она мне сказала, если бы я сказала что-то не так, они бы написали, что война только началась, а в со-

ветском союзе берут девушек в армию. И так, встреча закончилась и снова на боевом посту. Мы с девчонками дежурили в церкви на колокольне, следили за небом. Поднимались по лестнице очень высоко, темно, страшно, но дело нужно делать. И так бомбили каждый день и всю ночь. Такая страшная борьба продолжалась до 17 октября.

17 октября в 3 часа ночи нас подняли в ружье, и мы вышли в район Кузнецова. Там формировалась 4-я московская коммунистическая дивизия. Эта дивизия заняла оборону, и танки не прошли. 5 декабря фашистов стали гнать от Москвы и уже 2 января нашу дивизию отправили на Калининский фронт. Девушек было около 20 человек, перевели в санроту 659 стрелкового полка санинструктора и медсестер, начальника санслужбы, командира санроты и меня политрука роты. В первом эшелоне был наш полк. Ночь мы проезжали хорошо, а днем в 2 часа на наш эшелон налетели фашистские самолеты и стали нас расстреливать из пулеметов, шквал огня. Машинист трусил и сбежал в лес, а начальник эшелона забрался на паровоз и стал расцеплять вагоны. Там были медикаменты, продовольствие и боепитание. В лесу мы просуществовали до 12 часов ночи. 5 человек похоронили, 40 отправили в госпиталь. Когда вернулись к эшелону, то его не оказалось. Все было разрушено, от вагонов ничего не осталось.

Ночью идем по 30 км, а днем прячемся в лесу, говорить громко нельзя, костры жечь нельзя, мороз до 30%. Так мы добирались до Нелидовского района деревня Карповка. Сначала мы остановились в лесу, поставили брезентовые палатки, наломали еловых веток, послали их. Установили железную печку и по очереди дежурили. Спали одетые, хотя со всех сторон дул ветер. В районе Нелидова мы находились с 3 января 1942 года по май 1943 года. Задача этой дивизии состояла в том, чтобы в этом направлении не пропустить фашистов к Москве. Батальоны были ближе к противнику, рас-

стояние примерно 100м. Они окапывались, строили себе землянки, занимали боевые позиции, ходы сообщения и вели наблюдения за противником. Наша часть должна была обеспечить движение военных частей и дорогу Большак, которая обеспечивала всю 22 армию Калининского фронта.

Дивизию возглавлял генерал Санчило, полком ^{командир} командир пограничных войск т. Казак Иван Карнилович, начальник штаба полка - т. Смирнов, комиссар полка – Солодов Михаил Федорович. Все они были отличные командиры и товарищи, но, к сожалению, они все ушли из жизни. А вот мы, бывшая молодежь помним их.

Часть устраивалась быстро по-военному, а немцы кричали по рупору: - Русь сдавайся. А наши солдаты в ответ: - Гитлер капут.

Мужчины строили землянки для командиров и для женщин санитаров носильщиков. Для приема раненных и больных развернули большую палатку. А на передовой каждый день шла перестрелка. Наша санрота находилась от передовой 500м. Поступали первые раненные, им оказывали помощь и отправляли на дрезине в медикосанитарный батальон. В санроте было 150 человек. Каждый знал свои обязанности.

Однажды я узнала, что идет группа разведчиков за языком, я решила попроситься, чтобы взяли меня, они согласились. Моя обязанность была не трудной. Когда разведчики стали пробираться к землянке, где находились фашисты, в это время я находилась на опушке леса и следила за другими землянками, и если бы из других землянок стали выходить немцы, то я должна была дать сигнал нашим разведчикам, сигнал лягушки «КВА». Но нам всем повезло. Разведчики вышли из землянки с языком и остались незамеченными. Такой поход был и 2-й раз. Об этом узнал командир полка и издал приказ, где категорически запретил брать меня в разведку.

В санроте был разведчик, старшина, он тоже политрук. И вот однажды стал со мной беседовать на предмет вступления меня кандидатом в члены КПСС. По сколько я была награждена за Москву, и я была принята, а тов. Мизеров был отличным разведчиком и в одно прекрасное время он не вернулся. Вот тогда то меня и назначили политруком санроты полка. Политрук несет ответственность за моральное состояние подразделения. Через несколько дней мне дают задание: - доставить секретные документы в штаб дивизии и я направилась, а когда вышла на дорогу Большак, вдруг появляется фашистский самолет, я быстрее в лес, он начинает строчить из пулемета, долго строчил. Решил, что я убита и улетел. Выхожу на дорогу, прошла несколько метров, опять он появляется, я снова в лес. Он снова строчит, я стою под деревом и думаю, но вот уничтожит меня и потом напишут, пропала без вести, когда кто заглянет в этот лес и самое главное я не смогу доставить секретные документы. Самолет опять улетел, и я снова шагаю по дороге, но не долго. Сейчас он летит так низко, что я вижу его злое, страшное лицо. Когда он все патроны исчерпал, улетел, а я доставила документы и вернулась в часть.

В течение года мы своих самолетов не видели, и противник имел превосходство в авиации, и старался уничтожить каждого человека, в чем я убедилась лично.

На днях к нам прислали нового врача. Молодой мужчина, красивый, но он где-то показал себя недостойно и его понизили в должности, и к нам прислали рядовым. Поскольку он считал себя красивым и думал, что ему все дозволено. Однажды ночью заявляется к нам в палатку. Я спросила у него, кто сюда Вас ^{звал} прислал и он ответил, что жаль, нет с собой пистолета, а то бы я тебя застрелил по военному времени это....

На следующий день, я в политдонесений на имя комиссара полка сообщила об этом, его вызвали в прокуратуру и когда он от туда вернулся, зашел в землянку и произвел себе выстрел в висок. Я прибежала, и вижу на столе лужа крови и перед ним лежит пистолет. Потом его отправили в санитарный батальон и судьба мне не известна его.

А в штабе полка готовилась операция наступления. Дело в том, что противник занимал выгодную позицию, высота 11-13, и мы несли потери в личном составе. По этому задача: - выгнать с позиции и эта задача выполнялась в апреле 1942 года. В этом бою мы принимали участие:- Мигунова Надя, медсестра и я санинструктор. Мы с санитарными сумками и винтовками стреляли и оказывали помощь. Сначала ^{Абм} подготовка, потом танки, пехота и к вечеру освободили деревню Карповка и нам разрешили зайти в уцелевшие дома на ночь. Мы зашли, легли прямо на пол одетыми с винтовками и сумками. Утром в 4 часа противник открыл огонь по этим домам и нам срочно отдали приказ отступить на опушку леса. Все быстро встали и выскочили на улицу, а командир взвода т. Глинко никак не мог найти шапку. Видит на крыльце стоит чугунок, схватил его и на голову. Пробежал несколько метров, как вдруг по этому чугуну стукнул осколок, и чугунок разлетелся, а Глинко еще долго шел по фронтовым дорогам.

Бежать на опушку леса я не могла, так как услышала стоны раненных, лежали трое. Я их перевязала, и мы укрылись за дзотом. Однако в это время шли танки противника, шла большая перестрелка. Я боялась одного, чтобы не схватили в плен. Вдруг я почувствовала перед собой пламя, потеряла сознание, когда пришла в себя, поняла, что ранена, а, трое бойцов убиты. Взяла у них документы и решила направиться на опушку леса, но не получилось, упала и когда я поднялась, меня заметили наши, которые помогли мне добраться.

Высоту 11-13 взяли на следующий день и пленных 30 человек. Погибла в бою Инна Гинзбург, чекист. Ей было 50 лет, но она всегда была очень строгой, боевой и хорошим товарищем.

Много было раненных танкистов и рядовых солдат. Была ранена Татьяна Ершова, она умерла от ран.

У меня много было на мягких тканях осколков, и требовалась операция. Я была отправлена в госпиталь, в г. Осташков. В госпитале я пролежала более месяца в мужской палате. Я вспоминаю о них с большой теплотой. Это были боевые замечательные друзья - офицеры, рядовые солдаты и пожилые, тяжело раненные и легко раненные, летчики и пехотинцы. В течение месяца я от них не слышала ни одного плохого слова.

Настал день выписки, я уговорила врача, чтобы меня выписали в свою часть. Друзья меня проводили с большой теплотой, и мне пришлось добираться 250 км самостоятельно. Первая остановка, когда меня задержал патруль. У меня документ от госпиталя, на груди орден. Они меня задержали, сказали, что в ночь меня не отпустят. Где-то достали щуку, сварили ее, а утром меня проводили. С горем пополам добралась, но самые страшные километры были добраться от Нелидова до части 12 км. Шла ночью одна, кругом немцы. Иду и кажется, что кто-то идет за мной по железной дороге, останавлиюсь, прислушаюсь, кругом посмотрю и снова иду, и так останавливалась несколько раз, наконец, вижу Красный крест, вздохнула, где встретила меня вся рота. На следующий день командир полка объявил мне благодарность за возвращение в часть, а комиссар полка направил меня на курсы мл. лейтенантов в политотдел 362 с/д.

Наша дивизия была переименована. На курсах 30 парней и одна девушка. Там я чуть не попала на гауптвахту. 3 месяца питания: - мука и вода. Так надоело, тошнит от такой пищи, я отказалась, и меня направили к на-

чальнику курсов. Он спросил, что Вы хотите тов. курсант, я ответила - картошки. Он пригласил хозяйку, где жил на квартире и попросил ее накормить меня картошкой. Так моя неприятность была исчерпана.

Курсы я закончила хорошо, от ребят не отстала и вернулась в свою часть на прежнее место.

Вскоре у нас произошло трагическое событие, из Москвы летел наш самолет, возвращался в партизанский отряд и когда пролетал через нашу территорию, он был подбит противником, он не смог дотянуть до нас, и рухнул. Там находилось 13 человек, из них одна женщина. Когда доставили их в санроту полка, они были без сознания. Очень долго с ними боролись, чтобы привести в чувство, но, увы, все погибли. Фронт есть фронт.

Вот были два хороших офицера, командир роты Тутков и его заместитель. Находится рядом с противником столько времени, с ума можно сойти и вот заместитель командира роты почти сошел с ума. Во время отдыха ночью Туткову приснился сон, что в землянку ворвались немцы, и он хватается пистолет, а в это же время поднимается командир роты и он в него стреляет. Это был его лучший друг, он навзрыд плачет, а медики признали его психически больным.

Питание было очень неважным, 800 грамм черного хлеба и 3 раза в день

горосовая баланды

В марте 1943 года на Калининском фронте перешли в наступление по всему фронту, дошли до Великих Лук, погорелое городище и в конце апреля или в начале мая нас направили на Орловско-Курскую Дугу. В г. Калинин наш эшелон задержали, так как был обнаружен один человек, заболевшим сыпным тифом. Необходимо было пропустить весь личный состав через санпропускник. В первую очередь пошли женщины, мы только разделись, стали наливать воду, как неожиданно к нам вваливаются взвод ре-

бят, мы заорали на весь город Калинин и они вылетели пулей, а мы продолжали мыться. Так весь личный состав прошел санпропускник и мы направились в Тульскую область, где наша часть пополнила свои ряды, то есть, до формирования и через две недели мы находились на исходных позициях.

В политотделе решался вопрос, куда направить меня. Начальник политотдела т. Тутыхин предложил мне комсоргом медико-санитарного батальона. Я отказалась, сказала, что этот батальон находится далеко от передовой. Остается стрелковый батальон 1210 стрелкового полка. Вот туда и направилась. Меня дружелюбно приняли ребята, познакомились и на следующий день провели комсомольское собрание с повесткой дня: «Только вперед и ни шагу назад, беречь оружие, не оставлять товарища в беде». Избрали бюро батальона, назначили комсоргом рядового Жарина из пулеметного расчета, Фролова комсоргом противотанковой роты.

За три дня до наступления мы еще разучивали вальс – чечетку. В это время сообщили, что едет генерал проверять готовность подразделения. Денщик командира батальона хорошо рисовал и нарисовал меня в форме младшего лейтенанта, затем вывесил на стену. От генерала я спряталась, и когда он зашел в штаб, сразу спросил, что за портрет? Комбат ответил, что комсорг батальона и как вы думаете, она не подведет вас, он ответил, что нет. 1 июня мы пошли в наступление. Что можно сказать о Курской Дуге?

Это сплошной металл самолетов, от них черное небо наших и фашистских, сотни танков наших и фашистских, артиллерия, катюша наша, снайперы, пулеметы. Все это направлено против нас, против человека. Металл перемешен с человеческим мясом. Я гордилась тем, что мне доверена мужская должность. Идем большой шеренгой во весь рост, впереди нас разрываются наши снаряды, шли танки, мы за ними. Команда остановится где-то,

кто-то отстал, а когда поступила снова команда вперед, солдаты лежат и не встают. Оказывается командир ранен, тогда я встала и закричала: - Вперед за Родину! За Сталина! И все поднялись, прошли метров 300, как вдруг команда – залечь. И тогда я солдатам сказала, Вы оставайтесь здесь, пройду я вперед и посмотрю, где окопались немцы. Иду и вижу, передо мной большой ров такой, что можно укрыть дивизию. Я еще подумала, спуститься туда или нет, и решила спуститься. Смотрю, передо мной лежат 2 немца, чувствую, что они не ранены, пошла к ним и сказала: - Хонде-Хох, они молчат, снова повторила, опять молчат, тогда стукнула по подметкам сапог, и они вскочили, подняли руки вверх. Я их обезоружила и стала с ними подниматься из рва на верх, и когда мы вышли на верх, ко мне на встречу бежали солдаты. Мы думали, что ты убита, но до штаба нам не удалось их довести, потому что наши танки вышли из боя и один из танкистов выскочил из танка и в затылок их расстрелял.

Снова наступление, и на следующий день появилась статья в газете дивизии «Будь и ты героем, неустрашимая Раиса». Что на передовой смерть, радость, если освобождаем населенный пункт. Все перемешено друг с другом и вот освободили населенный пункт, и к нам навстречу бежали радостные люди. Стали солдат обнимать, целовать, плакать и вдруг появляются наши самолеты, и начинают нас бомбить, и мы не можем дать сигнал, нет ракетницы. Иногда отсутствовало взаимодействие род войск. Опять гибель людей, солдат и гражданских. Я помню до сих пор, как плакал командир 2-го батальона, был тяжело ранен в тазобедренный сустав. Потом мы еще решили прочесать пшеницу, уже созревшую, где обнаружили солдата стоявшего на четвертинках и совершенно совсем не реагировал. Оказывается, когда бомбили, его отбросило волной и парализовало. В это время я была

назначена комсоргом 1210 полка. В штабе я не была ни одного дня. Все время с батальонами 2 и 3 прошла всю курскую операцию.

Однажды нашу часть перевели в другую местность, произошла дислокация. Пришли сюда ночью, как пришли сразу устроились отдыхать, завернулись в палатки. Ночью, т.е. я проснулась и ахнула, часть ушла, а мы остались, я и 3 разведчика. Равнина, мы у немцев на виду и они нас обстреливали целый день. Мы перебегали с одного места на другой целый день в жару, мы даже найти воду не могли. Но, интересное было впереди. Вот, когда мы убегали от снарядов, заметили, что к нам мчится конница, разведка дивизии из 5 человек, но одна лошадь свободна – значит осталось 4, один погиб и один разведчик держит вытянутую руку с головным убором, в котором находятся куриные яйца. Им было дано задание: - уточнить если в деревне фашисты и они уточнили, потеряли товарища и успели найти куриное гнездо. На что только способны эти отважные герои.

Вечером мы нашли свою часть и ^{аши}объединились с трофейными продуктами, хлеб, масло и сахар. Через несколько минут меня зовут к телефону, и мне нужно было перебежать в другую землянку, и бежать надо быстро. И вот когда бежала, снайпер стрелял в меня 2 раза и не попал потому, что бежала очень быстро. И у телефона я докладывала обстановку, откуда идет стрельба. На следующий день опять наступление, освободили населенный пункт. И здесь опять, произошла страшная история. Кончился бой, все измотанные, уставшие, голодные. Солдаты сели и стали поправлять портянки, дать возможность отдохнуть ногам. Я тоже была здесь, но не сидела, а стояла, не далеко был комбат, майор Асанов и его заместитель капитан. Комбат давал какой-то приказ капитану, я неслышала, а когда капитан сказал, что я отказываюсь выполнять Ваш приказ, повернулся и ушел. Тогда комбат достал пистолет и выстрелил ему в затылок, тот упал и больше не

поднялся. Все, кто сидел и стоял были в шоке. Кто-то сообщил в штаб полка, очень быстро приехал заместитель командира полка по строевой части. Он подходит к нему и говорит, уберите пистолет, комбат ему тоже говорит: - и Вы уберите. Они оба убрали пистолеты, заместитель командира полка подошел к комбату, сорвал у него погоны, ремень командирский и направил его рядовым. А бои продолжались снова и снова. Однажды часть опять передвигалась в другом направлении, и кто-то должен идти последним. Заместитель командира по политической части говорит: - комсорг Вы пойдете последней, а я подошла к нему и говорю: - разрешите мне идти впереди, ладно идите. Он пошел последним не один, они попали под обстрел и погибли.

Следующий раз последними пошли мы втроем, минометчик, автоматчик и я. И когда проходили поляну, нас обстрелял самолет, мы не успели даже распознать знаки. И вот пули попали автоматчику в живот, он умирал на наших руках и успел сказать: - Рая, Вы идете дальше, а я остаюсь здесь. Все эти страшные события не забываются.

3-ий батальон получает задание, подойти ночью, как можно ближе к противнику и утром отвлечь их на свою сторону. И ночь мы шли гуськом, разговаривать нельзя, при появлении осветительной ракеты, тихо ложились на землю, чтобы нас не заметили, котелками не стучать. Пришли в назначенное место, обменялись адресами, если что, чтобы сообщить родным. Документов с нами не было, осталось ждать утра. Спать не хотелось, каждый думает о своем. Потом, решили оставить по одной пули для себя. И вот рассвет, застрочили автоматы и винтовки. Было трагично и смешно, фашисты оказались все пьяны и они не способны были драться. Все были уничтожены и никто из наших не погиб.

Стрелковые части теряли своих солдат каждый день. Через каждые 3 дня шло новое пополнение, это молодые ребята, которые шли в бой и кричали «мама». Ведь они новички и для них эта пытка. Когда летят самолеты, бежать от них бесполезно. Мы лежались лицом вверх и смотрели, куда летят бомбы, если летят над нами, мы говорили, что это не наши. 3-го августа, мы с солдатом ползли к немецкому пулемету, и в это время я потеряла сознание. Сколько пролежала, не знаю, пока не наткнулся на меня начальник штаба полка т. Смирнов. Он позвал медика парня и сказал, чтобы меня немедленно вынесли с поля боя. Сначала меня вынесли на опушку леса, потом положили на подводу и привезли в деревню Каменка, которую мы только что освободили. Женщины стали голосить. Врач командир санроты, где я была политруком, сказал, что лучше обмотайте ее, она вся в крови. У меня было раздроблено осколком правое плечо и он же попал в живот. Потом меня перенесли на машину, довели до станции, где формировался санпоезд. С поезда сняли меня в г. Муроме, где пролежала 3 месяца, пока была в тяжелом состоянии, потом эвакуировали в г. Чита. Там я находилась 8 месяцев. В мае 1944 года я вернулась в Москву со 2-й группы инвалидности. Сожалела об одном, что не смогла больше попасть на фронт. В Москве 9 лет работала на комсомольской работе. 1953 года с мужем приехала в г. Йошкар-Ола. У него была здесь больная мама, у которой погибло 2 сына на фронте, так и остались. Она прожила с нами 12 лет. Супруг у меня был майором.

Это все, что я видела и пережила сама.